

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Г. М. Маркова

К 70-летию
Г. М. МАРКОВА

известные писатели, признанные мастера советской литературы: Г. Марков, М. Алексеев, Р. Гамзатов, Е. Исаев, С. Наровчатов, С. Орлов...

Мне посчастливилось попасть в семинар, который вели Г. Марков, Е. Пермитин и критик А. Турков. «Марковский семинар», как его тотчас окрестили, был многолюдным, переполненным и, как я теперь понимаю, многотрудным для его руководителей: почти все молодые прозаики, за редким исключением, ждали выскательного разговора по крупным формам — романам и повестям.

И разговор состоялся.

предъявляют две неразделенные школы — жизнь и литература?..

И сам — с подробными примерами, непринужденно, с юмором — отвечал:

— Первое. Самоотверженная работа. Сколько скрытых трагедий произошло и происходит вследствие неумения «каторжно» трудиться, трудиться всю жизнь, не давая лени и чванливому самомнению овладеть душой и мыслями...

Сам Георгий Мокеевич — великий труженик! Писатель, общественный деятель, организатор литературных сил страны, он имел право жестко и безо всякого снисхождения поставить перед молодыми это требование: самоотверженная работа.

— Второе. Знание жизни — глубокое, всестороннее... От писателя требуется сейчас, как никогда, знание жизни, знание народа, владение большим, огромным фантическим материалом нашей действительности. Глубина и страсть. Факты, факты, факты нужны сейчас литератору, чтобы думать, сопоставлять, анализировать, убеждать, строить художественные обобщения. Только в горниле жизни созревают по-настоящему значительные замыслы, только сама жизнь наша может насытить художника необходимыми искусству верными представлениями и выводами о ней.

Мы слушали, и мне вспоминалась статья Георгия Мокеевича «Урок мастера», написанная еще в 1938 году. Мысли, в ней прозвучавшие, были остро современными, интересными. Первый роман Г. Маркова «Строговы» попал на рецензию к И. Вабелю. Состоялась встреча автора и рецензента. Марков приехал из Иркутска и просил «не делать скидок на географию». Вабель сказал: «География имеет значение — в смысле специфики человеческого уклада». И спросил: «Где вы работаете?» Марков ответил: «В библиотеке». — «Это плохо. Самое опасное — сделаться книжником. Все замечательное в литературе замечательно своей новизной. Это жизнь. Держитесь ближе к ней. Плохо, когда писатель оттачивается не от жизни, а от книги». — «Это не противоречит необходимости знания книги?» — «Самой собой. Нельзя смешивать книжничество и знание книги». И далее Георгий Мокеевич писал: «...рукопись, которая лежит перед вами, создавалась не мной одним... Это — концентрация жизненного опыта множества людей. Я собирал этот опыт в той среде, которая близка и понятна мне: крестьяне, охотники, рыбаки... Таким образом, на первый план я ставлю жизнь, но роль книги для меня при этом не уменьшается, а увеличивается...».

— Третье. Марксистско-ленинское мировоззрение...

Об этом непременно требовании к таланту Георгий Мокеевич говорил неоднократно. В борьбе за коммунизм — именно в борьбе, а не в ожидании коммунизма! — мировоззрение писателя, его оружие.

Много ли навоеешь безоружным? Безоружного враги и в плен могут взять, и вовсе — погубить...

— И еще: писателю необходимо брать масштабные темы, именно масштабные проблемы ставить в своих произведениях...

Разговор об этих требованиях к таланту — а он происходил не раз, ненавязчиво, к месту, — явился вторым и плавным для меня уроком семинара.

Прошло время. До профессиональных, более того, заметных в сегодняшней литературе писателей выросли те, кто занимал «марковский семинар»: Юрий Антропов, Гурам Панджикидзе, Альберт Мифтахутдинов, Анатолий Черноусов, Семен Курилов...

О Семене Курилове не могу не сказать чуть более подробно: его уже нет в живых, и все, что он смог сделать в литературе, он уже сделал. С романом Курилова «Ханидо и Халерха» («Орленок и Чайка») Георгий Мокеевич и его помощники Е. Пермитин и А. Турков занимались особенно долго и бережно. И автор, и роман были уникальны. Семен Курилов — юкагир, представитель малой сибирской народности, насчитывающей ныне около 600 человек. А десяток лет назад их было и того меньше — 460!.

Особенность романа, который обсуждался в «марковском семинаре», заключалась в том, что при наличии богатейшего материала и языка почти совсем отсутствовала композиция. Георгий Мокеевич был особенно терпелив и внимателен к творчеству Семена Курилова. Теперь-то я понимаю: в те дни зарождалась литература целого народа!

Случай с Куриловым не единичен в деятельности Г. М. Маркова. Как и Максим Горький, он собиратель литературных дарований. Скольким помог он в трудную минуту, подал добрый совет, наставил, поддержал! Сибирские писатели хорошо знают и помнят это; томици — в особенности. У Г. Маркова много учеников — и в нашей стране, во всех республиках, и за рубежом. Он много читает рукописей начинающих авторов, советуя.

Писатель Георгий Марков во всех своих произведениях шел и идет от жизни. Его сибирская эпопея — «Строговы», «Соль земли», «Отец и сын», «Сибирь», «Грядущему веку» — явление уникальное. В ней отражена история, живая и горячая действительность с ее масштабными проблемами, радостями, отступлениями и победами. Именно этот опыт писатель, прошедший сам от «высот жизни к высотам литературы», и передает новому поколению советских литераторов.

Т. КАЛЕНОВА.

В ДВУХ НЕРАЗДЕЛЕННЫХ ШКОЛАХ

В ДВУХ неразделенных школах одновременно учился писатель, учится от первого до последнего дня своего бытия в литературе. Первая школа — жизнь, активное, трепетное участие в делах народа, полное личное, общественное горение и гражданское мужество; вторая школа — сама литература, состоящая из твоих далеких и близких предшественников и твоих современников, твоих соратников по труду».

С такими словами обратился к литературной молодежи в исторические дни работы XXVI съезда Коммунистической партии первый секретарь правления Союза писателей СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии наш земляк Георгий Марков. Это любимая мысль Георгия Мокеевича. Учиться до последнего дня своего пребывания в литературе — этот истинно ленинский завет вынесли и мы, участники V Всеобщего совещания молодых писателей, состоявшегося ровно двенадцать лет назад в Москве. То совещание у многих литераторов осталось в памяти навсегда. На нем в последний раз выступил Константин Федин, седобровый, с орлиным взглядом... Он пожелал собравшимся успеха в литературной учебе, в этом «перебирании жемчуга и простой гальки», счастливого пути в литературной жизни... Слово к молодым писателям произнес старейший поэт Николай Тихонов. А семинарами руководили

В те дни «молодая гвардия советской литературы» (выражение Г. М. Маркова) особенно часто слышала в свой адрес приятный эпитет — «молодой, молодые»... Хотя строгий возрастной ценз, установленный для участников совещания (не свыше 35 лет), примерно выдерживался, много среди «семинаристов» имелось действительно бывалых людей, прошедших основательную школу жизни. Рядом с ними я, двадцативосьмилетняя, порой ощущала себя недостаточно знающей, с малым жизненным опытом.

Но вот, слушая своего руководителя, доброжелательно и мудро раскрывавшего секреты творческой работы, я вдруг поразились простой мысли: писателю Георгию Маркову было тоже 28 лет, когда он написал первую часть своего прославленного романа «Строговы»! Я стала припоминать историю литературы: классики русской и советской литературы начинали рано, с молодых лет брали на свои плечи громадный труд и такую же ответственность. Какие уж тут скидки на молодость!.. Это был первый урок, вынесенный с «марковского семинара».

— Талант — это счастье человека и одновременно это общественная ценность, — Георгий Мокеевич говорил как обычно неторопливо, отделяя каждое слово; на особо важных «смысловых площадках» даже приостанавливался, как бы давая слушателям возможность закрепить, углубить в памяти сказанное. — Какие же требования к таланту